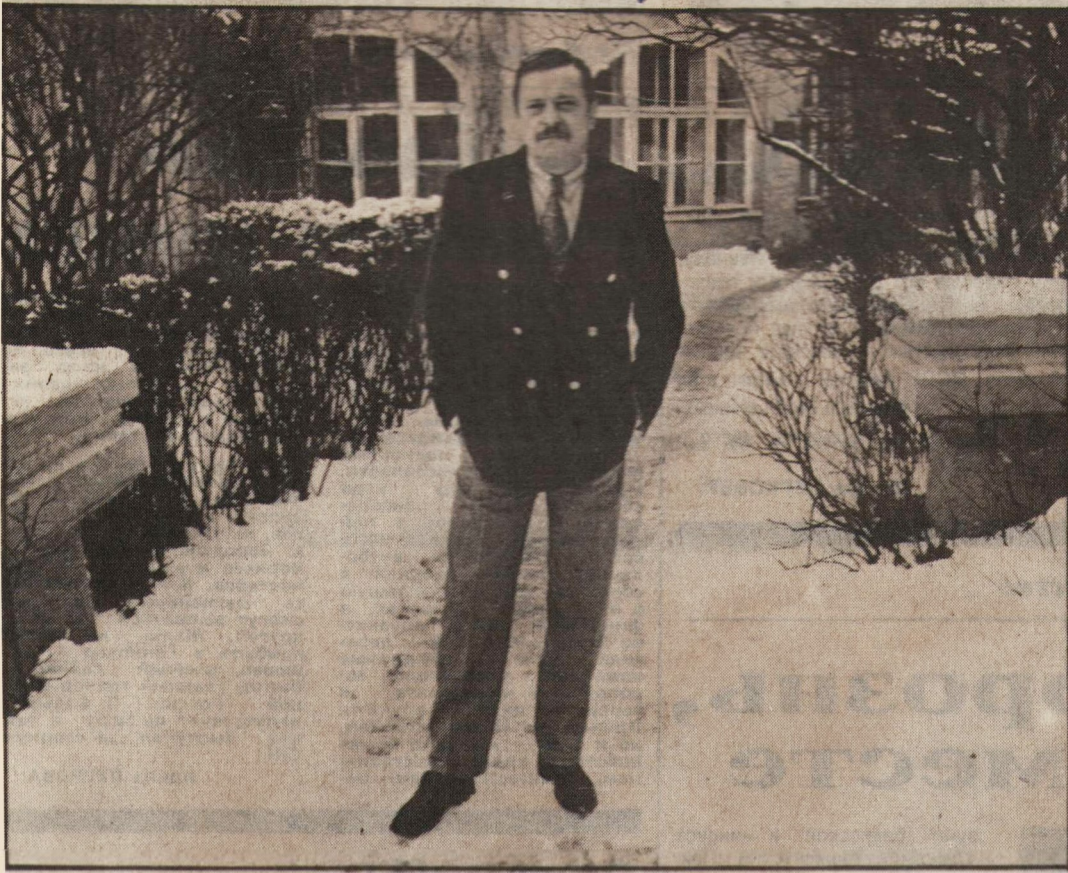

Век. ксеро, -1993, -26 янв. - С. 7.

Гость «ВК»

придает смена занятий. К тому же работа в толстом журнале — это прежде всего общение с людьми. А я по нему изрядно стосковался, так как в течение двенадцати лет выезжал в центр лишь раз в неделю — по недельникам. Так что такое совмещение мне сейчас приятно.

— Помимо основных занятий, вас не привлекает политическая деятельность?

— Прежде всего я занят реальным делом, великим делом. Ведь всякий культурный человек понимает, что сочинение прозы, стихов — это работа по прямому заданию Господа Бога. И если мы согласимся, что прогресс человечества — это процесс, который протекает не вовне человека, а внутри, то переоценить значение литературного труда невозможно. И у меня на какие-то посторонние занятия просто не хватает энергии.

С другой стороны, политика — это занятие в высшей степени праздное и главным образом вредное. К тому же политики — это в подавляющем большинстве несчастные люди, неспособные заниматься никаким реальным делом. Я говорю не об администраторах,

им давно перестали «делать красиво». Вот они и потянулись к изящному, к жизни-празднику. А покажи им сейчас сериал из жизни Италии конца 40-х, где такая же грязь и бедность, как и у нас, они не только с ума сойти не будут, но вовсе не будут его смотреть. А им же показывают жизнь на Беверли-Хиллз!.. Словом, особого ужаса я в этом не нахожу. Хотя, разумеется, и разделяю всеобщую точку зрения: к искусству это никакого отношения не имеет. И все это по-американски пошло и плоско.

— Помимо всего прочего, вы состоите в комитете по госпремиям России. Пока нет никаких прогнозов насчет лауреатов 93-го года?

— Конечно, нет. Наше первое заседание будет где-нибудь летом. А до этого времени происходит подача заявок.

— Если я не ошибаюсь, это тот комитет, где председатель Михалков?

— Председателем всего комитета был Бурбулис, кто же теперь, я не знаю. А Михалков — председатель литературной секции, мы его избрали единогласно. Сергею Владимировичу можно инкриминировать любые подвиги политического характера, но отказать ему в том, что он прекрасный поэт и человек изощренного вкуса, невозможно.

— Сейчас у вас что-то издается на Западе?

— В последнее время я даже не знаю, что и где. Потому что вдруг резко перестали приходить письма из-за границы. Отчасти я склонен это объяснять тем, что упал интерес к России, прошла мода. С другой стороны, безобразно работает почта, и мои письма там тоже не получают — я это знаю точно. Но по идее, в Германии должна выходить очередная моя книга.

— А что в ближайшее время появится у нас?

— Публикаций много. В «Литературной газете» должна появиться статья об «Открытии России», где я доказываю, что Россия отнюдь не великая страна, поскольку в великой стране можно по телефону вызвать такси и не бояться ночного звонка в дверь. В моем родном журнале «Сельская молодежь» выходит очерк. Кое-что выходит в «Новом мире», «Октябре». Делаю сейчас рассказ для «Знамени». Запланирована повесть на пятый номер «Дружбы народов».

— Сами планировали?

— Нет, отнюдь. Повесть тут лежала уже давно и стояла в плане задолго до моего появления... Наконец скоро будет делаться книжка в издательстве «Московский рабочий».

— А чем занимается ваш сын?

— Он человек, далекий от литературы, и сейчас учится на медика.

— Вы еще не стали дедом? Я видел вашего сына, и, судя по всему, он большой жизнелюб.

— Нет, дедом я пока не стал и благодарен сыну именно за то, что он большой жизнелюб и его не тянет к семейной жизни.

— И последний вопрос человеку, счастливному от перегруженности работой: читаете ли вы нашу газету?

— Сейчас я газет не читаю вообще. Читаю по 20—30 листов рукописей в неделю.

— Значит, главный редактор читает в журнале все?

— Во всяком случае, Вячеслав Пецух в качестве одного читает все, и даже то, что не будет напечатано.

— Это никак не влияет на писателя Вячеслава Пецуха?

— У меня уже выработался некий иммунитет. 12 лет в «Сельской молодежи» я занимался тем, что сидел на «самотеке» и читал всю литературу, приходившую к нам по почте. Так что я уже не подвержен влияниям извне как плохим, так и хорошим.

Интервью взял Владимир ТУЧКОВ.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

"Сочинение прозы, стихов — это работа по прямому заданию Господа Бога"

Как правило, на Новый год надевают что-либо новенькое. Или изменяют фасон стрижки. Или пытаются переменить какие-нибудь привычки, например, бросают курить. Но коллектив журнала «Дружба народов» настолько далеко ушел в освоении этой традиции, что встретил 1993-й с новым главным редактором. Им стал писатель Вячеслав Пецух.

— Так каким же образом произошли эти изменения в необремененной должностями судьбе писателя Вячеслава Пецуха?

— Я не в курсе конфликта, возникшего между бывшим главным редактором Руденко-Десняком и коллективом. Он закончился тем, что коллектив журнала пригласил меня на эту должность. Точнее, я был не единственным кандидатом было достаточно, но кто-то сам отказался, кого-то «прокатили» во время голосования. А я, во-первых, по легкомыслию согласился, а, во-вторых, набрал белых шаров больше, чем черных.

— Когда это случилось?

— В двадцатых числах декабря, а мой первый рабочий день выпал на 29-е, под самый Новый год.

— Сопряжена ли должность главного редактора с большими сложностями, чем вы предполагали?

— Мне мудро было что-то предполагать, потому что я 12 лет проработал в «Сельской молодежи» и к управлению чем-либо причастен не был. Но я с самого начала знал, что мне не следует идти на кардинальные перемены. В этом я убедился, перечитав всю подборку прошлого года. Журнал сделан в высшей степени профессионально, и в нем встречаются порой просто бриллиантовые материалы. Так что здесь работает народ очень дельный, серьезный, профессиональный и симпатичный. Поэтому ничего ломать и строить я пока не собираюсь. Ну разве что-то по мелочам. Например, можно несколько изменить композиционные решения, сделать так, чтобы исключить столкновение двух огромных романов-«кирпичей», причем написанных в одной манере. Ожидать же от меня осуществления некоего «октябрьского переворота» не следует. Главное, я в этом не вижу никакой нужды. Поэтому я выбираю деятельность, направленную на укрепление и развитие сложившихся здесь традиций, т. е. охранительную деятельность. Следовательно, крушений моих надежд не произошло и ни с какими непреодолимыми трудностями я пока не столкнулся.

— А тираж, подписка, финансовое положение?

— Тираж у нас, к сожалению, маленький, по стране мы набрали 40 тысяч подписчиков. Но и все другие толстые журналы тоже где-то в пределах 40—70 тыс. За редчайшими исключениями вроде «Иностранной литературы». Правда, мы «упали» лишь в два раза, а остальные в три и более. Но парадокс нашего времени заключается в том, что это отнюдь не трагедия. Чем меньше тираж, тем даже лучше — убытки меньше. При нашем тираже мы будем терять «всего лишь» 1,5 млн. рублей на каждом номере.

— За счет чего будут покрываться эти расходы?

— Во-первых, мы пока еще получили не все деньги за подписку. Во-вторых, есть какой-то запас бумаги, правда, очень незначительный. В-третьих, работают экономические структуры, созданные моим предшественником. И они сейчас разворачиваются. Так что положение хоть и тяжелое, но не безнадежное. Ну и наконец хочется верить, что правительство проявит дальновидность и, как и в прошлом году, пожертвует какие-то средства на существование отечественной культуры.

— В журнале будут по-прежнему печататься авторы из всего бывшего Союза?

— Да, конечно. Мы будем сохранять, так сказать, подкультурную направленность. Просто подход будет несколько изменен. Раньше здесь печатали, например, башкирскую литературу, потому что она башкирская. А я думаю, что все-таки имеет смысл ее печатать потому, что она литература. Нас прежде всего интересует качество, а не воссоздание чисто внешнего экзотического национального многообразия. Кроме этого, ничто не мешает нам дружить и с гораздо более широким кругом народов, чем это было прежде: скажем, от французов и англичан до китайцев и колумбийцев.

— Как сказало редакторство на ваших писательских делах?

— Раньше я мог позволить себе встать в 10 часов и час смотреть в окошко, перед тем как сесть за стол. А теперь я встаю в шесть. Но это меня не раздражает и не утомляет. И даже как-то хорошо на душе, потому что часам к десяти-одиннадцати ты уже успел гору сверотить, что очень приятно сознавать. Потом я иду в журнал. И там занимаюсь совсем иной деятельностью. Но, как совершенно справедливо отмечал Карл Маркс, силы

а именно о политиках. А так как я человек в высшей степени счастливый, то уж в политике я никак не попаду.

— Все ли имена у нас уже напечатаны?

— Я думаю, что напечатаны уже все. И ожидать чего-то нового можно лишь от новых, появляющихся авторов.

— А новые у нас темы? Скажем, Евгений Харитонов, который много внимания уделял гомосексуальной тематике?

— Что касается Евгения Харитонova, то я не слышал о таком авторе и ничего не могу о нем сказать. А гомосексуализм для меня тема более чем далекая. И даже если бы она была изящно и тонко решена (хотя вряд ли это возможно), то меня бы это в любом случае не заинтересовало.

А вообще-то происхождение такой литературы объясняется, вероятно, тем, что у целого ряда авторов просто-напросто плохо обстоит дело с половой жизнью. И эта ущербность автоматически переносится в сферу изящного. Вот почему сейчас столько много всей этой чепухи Мужики, у которых все в порядке на личном фронте, строго разграничивают: это в хоккее, а это в литературе. И потом — все крупные писатели были, как правило, «скребы». Почему их на изящное всегда и такую, почему они этой тематикой особенно не интересовались.

— Никакой педагогической деятельностью вы не занимаетесь?

— Нет. Давно меня было пригласили вести семинар в Литинституте. Но пригласивший меня Евгений Юрьевич Сидоров ушел на свой высокий пост министра культуры. Заменявший его Руслан Киреев подтвердил это приглашение, но вскоре и он ушел. А с нынешним ректором — Сергеем Есиным у нас пока еще технически это не получилось, хоть мы и симпатизируем друг другу, хоть мы и товарищи. Я не отказался бы от такой работы и даже с удовольствием бы ею занялся, поскольку во мне продолжает биться учительская жилка. Ведь я немало проработал школьным учителем.

— Отток читателей толстых журналов произошел, по-видимому, из-за переключения их на телесериалы типа «Богатые тоже плачут». Что вы думаете по поводу этого массового психоза, охватившего наших соотечественников?

— А я их очень даже понимаю. Люди соскучились по красоте, хотя бы и чисто внешней, хотя бы и бытовой. Как говорил Мая-